

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XX ВЕКА: МАГИСТРАЛЬНЫЕ И ЛАТЕРАЛЬНЫЕ ГРАНИ РАЗВИТИЯ

Научно-исследовательская статья
УДК 821.161.1-1Хлебников041
DOI 10.24412/2619-0656-2024-18-132-141

«ПЛЕТЕНИЕ СЛОВЕС» В СТИХОТВОРЕНИЯХ В ПРОЗЕ В. ХЛЕБНИКОВА: ТРАДИЦИИ ПОЭТИКИ

Гиниятуллин Артём Маратович

Московский городской педагогический университет, Москва, Российская Федерация;
GiniyatullinAM@mgpu.ru, AuthorID: 1264504

Аннотация. В статье рассматривается проблема соотнесения различных по своей культурно-исторической специфике художественных явлений: древнерусской поэтики «плетения словес» Епифания Премудрого и поэтической манеры представителя кубофутуризма Велимира Хлебникова. *Научная новизна* работы обусловлена тем, что в ней посредством мифопоэтического, интерпретационного и сравнительно-сопоставительного анализа впервые исследовано влияние средневековой стилистической традиции на творчество писателя-модерниста в рамках такой особой литературной формы как стихотворение в прозе. *Цель* статьи заключается в выявлении специфики художественных связей между обозначенными стилевыми традициями.

Ключевые слова: стихотворение в прозе, орнаментальность, стилизация.

Для цитирования: Гиниятуллин А.М. «Плетение словес» в стихотворениях в прозе В. Хлебникова: традиции поэтики // Русистика и компаративистика: сб. науч. ст. / Гл. ред. М.Б. Лоскутникова. Вып. XVIII. М.: ИКД «Зерцало-М»; МГПУ, 2024. С. 132–141. DOI 10.24412/2619-0656-2024-18-132-141.

Original research article

“WEAVING OF WORDS” IN THE PROSE POEMS OF V. KHLEBNIKOV: TRADITIONS OF THE POETICS

Artyom M. Giniyatullin

Moscow City University, Moscow, Russian Federation;
GiniyatullinAM@mgpu.ru, AuthorID: 1264504

Abstract. The problem of correlating artistic phenomena that differ in their cultural and historical specificity: the Old Russian poetics of “word weaving” by Epiphanius the Wise and the poetic manner of the representative of Cubo-Futurism Velimir Khlebnikov

is described in the article. *The scientific novelty* of the work is due to the fact that it is the first to study the influence of the medieval stylistic tradition on the work of a modernist writer within the framework of such a special literary form as a prose poem using mythopoetic, interpretative and comparative analysis. *The purpose* of the article is to identify the specificity of artistic connections between the designated stylistic traditions.

Keywords: prose poem, ornamentality, stylization.

For citation: Giniyatullin Artyom M. “Weaving of Words” in the Prose Poems of V. Khlebnikov: Traditions of the Poetics // Russian Philology and Comparative Studies: Collection of Scientific Articles / Editor-in-Chief Maria B. Loskutnikova. Vol. XVIII. M.: IKD “Zertsalo-M” Press; MCU Press, 2024. Pp. 132–141. DOI 10.24412/2619-0656-2024-18-132-141.

© Гиниятуллин А.М., 2024

Введение

Яркое определение креативной манеры письма Велимира Хлебникова и ее значимости в литературе было дано другим поэтом-современником: «Хлебников возится со словами, как крот, – между тем он прорыл в земле ходы для будущего на целое столетие» [Мандельштам, 1999, с. 222]. Творчество Хлебникова, расширяя границы поэтического языка, восходило к литературным традициям прошлых столетий – к фольклору, русскому барокко, поэтической «школе гармонической точности». Приведённое перечисление следует дополнить указанием на «плетение словес» – стиль, активно реализовавшийся в период расцвета орнаментальной прозы на рубеже XIV–XV веков; в истории древнерусской литературы он проявился в творчестве агиографа Епифания Премудрого.

В научном поле зрения особенности данного стиля – его черты и приёмы – были описаны в ряде монографий и статей [Лихачёв, 1979; Коновалова, 1966 и др.]. Отдельного внимания заслуживает работа современного исследователя: применяя нетрадиционный подход к рассмотрению художественной речи Хлебникова, словесно-звуковой образности в его произведениях (в частности, при рассмотрении поэм «Ладомир», 1920; «Лесная тоска», 1919, 1921; «Уструг Разина», 1922; стихотворения «Ласок...», 1916 и др.), автор отмечает преемственный характер поэтики писателя, в которой наблюдается соотнесение с литургическими текстами, церковно-книжной традицией [Васильев, 2015, с. 133–150]. Отвечая на вопрос о правомерности этого суждения, автор монографии указывает на значимую тенденцию в искусстве Серебряного века: «Различие культурных эпох стиля “плетения словес” и стиля поэта-модерниста начала XX века отнюдь не препятствует их сопоставлению. Отмеченный свойственный эпохе рубежа XIX–XX веков литургический синтез сделал древнерусскую литературу дополнительно и, возможно, несколько неожиданно востребованной» [Васильев, 2015, с. 147]. Также в указанном исследовании обосновывается корректность

соотнесения орнаментальной прозы и поэзии начала XX века.

Кроме того, в научной практике анализа раннего творчества Хлебникова, не без упоминания символистской установки на стирание границы между прозой и стихом, подчеркивалось: «Проза Хлебникова была прозой поэта. Да он и сам обычно не отделял её от своих поэтических произведений» [Степанов, 1975, с. 54].

Исчерпывающее рассмотрение в данной работе всех произведений Хлебникова, содержащих в себе стилизацию заявленной поэтики, не входит в рамки нашей задачи, поэтому *ограничимся рассмотрением лишь жанра «стихотворение в прозе»*. Анализ указанного аспекта осуществляется посредством использования *мифопоэтического, интерпретационного и сравнительно-сопоставительного методов*.

Основная часть

Многоплановость творческого наследия Хлебникова тонко определена О.Э. Мандельштамом, что засвидетельствовано Н.И. Харджиевым при вручении поэту первого тома собрания произведений будетлянина: «В Хлебникове есть всё!» [Харджиев, 2006, с. 336].

Стихотворение в прозе «Быльтама...» (1905), напоминающее по содержанию притчу, создано на основе концептуального принципа бинарной оппозиции *тьма – свет*. Произведение ориентировано на приемы художественного перефразирования, свойственного евангельской образности. Изображение существ, пребывающих во тьме и «неотличимых от земли» (что в определённой степени напоминает хтонический мир), – это аллегорическое отражение духовной жизни иудейского народа до пришествия Спасителя [здесь и ниже: Хлебников, 2004, с. 8]. Мессианскую функцию возлагает на себя «святлячок», который, благодаря сакральному самопожертвованию, не просто излучением «света» избавляет людей от «скуки жизни», но способствует их прозрению и, наконец, познанию этой силы¹. В реализации оппозиции, заложенной в словесной ткани произведения, представлен постепенный переход слов от прямого их значения к метафорическому, от материального плана изображения к духовному. Эта черта характерна для церковных текстов. (См., например, сопоставление прямого и символического значений слова «хлеб» в «Акафисте благодарственном по причащении святых Христовых тайн».)

В этом стихотворении в прозе, наравне с преломлением традиции литургической поэзии, автор использует прием древнерусского стиля – «извитие словес». Это семантический повтор, выраженный в совокупности повторяемых слов, наделённых одинаковой семой, – так называемое «нанизывание синонимов» (что не предполагает их тесного расположения):

¹ Здесь и ниже курсив в цитатах из произведений Хлебникова, использование полужирного шрифта, выделение частей слов, отдельных букв / звуков и иные акценты – мои. А.М. Гиниятуллин.

«И в этой тьме ползали чьи-то *невзрачные*, липкие, неотличимые от земли существа, чьи-то *незаметные, скучные, тихие жизни*». В дальнейшем в тексте произведения автором использован приём стилистической бинарности «подъём – спад»: «Чего-то им не доставало, чего-то им не хватало, к чему-то они порывались, но они не знали, *что это жизнь скучна, что это скука – жизнью подымается* в них порой и жадно и долго дышит, как чахоточный, и *падает*, схватившись за впалую грудь». Отмеченный приём выполняет функцию не столько противопоставления, сколько всеохватного отражения двойственной природы в ощущении жизненных процессов. По мысли Д.С. Лихачёва, «стилистическая бинарность нужна не только для противопоставления, но и для объединения, для того чтобы подчеркнуть всеобщность, полное распространение явления или понятия на всю область чувств, естества человека, на всю вселенную и т. д.» [Лихачёв, 1979, с. 127].

Частотное употребление в словосочетаниях нескольких лексем, таких как «тьма», «скука» (и однокоренных «скучный», «скучна», «скучно»), «жизнь», «свет», не является стилистической игрой. На этой основе возникает тема самопожертвования во имя блага общества. В произведении значим не только мотив победы света над тьмой (в материальном и духовном толковании), но и мотив символический, заключенный в победе жизни над смертью – как радости жизни над скукой. Такого рода отражение действительности отправляет к орнаментальной прозе: «В изложении может перекрещиваться несколько повторяющихся ключевых слов, создавая сложную “плетёнку” <...> “плетёнка” эта “смысловая”, а не просто орнаментальная» [Лихачёв, 1979, с. 122].

Стихотворение в прозе «Искушение грешника» (1908) было литературным дебютом Хлебникова в журнале «Весна». Его содержание связано с историей жизни Преподобного Антония Великого. Текст произведения, начиная с первого предложения, воспринимается как отзвук древнерусского памятника, напоминающего или житие, или апокриф: «И были *многие и многия*: и были *враны* с голосом “смерть!” и крыльями ночей, и *правдоцветиковый* папоротник, и врематая избушка, и лицо старушонки в кичке вечности» [Хлебников, 2004, с. 35]. Данный эффект создаётся за счёт многочисленного использования союза «и», что актуализирует перечень всего, оказавшегося в поле зрения лирического героя. В дальнейшем эффект наращивается при помощи причастных оборотов. Образная система воплощена настолько вычурно, что перед читателем «открывается типично хлебниковский мир, который существует только в языке, только в слове, мир, который нельзя изобразить, нельзя нарисовать» [Старкина, 2005, с. 74].

Хлебникову близко введение слововоенств, представленных в церковной гимнографии, – например, «*Разум недоразумеваемый разумёти* Дёва ищущи, возопи к служащему» [Акафист Пресвятой Богородицы с комментариями]. Этот приём «извития словес» в немногочисленных произведениях Хлебникова в жанре «стихотворение в прозе» представлен фрагментарно: он

проявляется в отдельных стилизаторских фрагментах текстов. Характерной чертой такой организации текста оказывается наличие корневого повтора – как расположенных рядом тавтологических словесных элементов. Благодаря данному приёму осуществляется не только абстрактно выраженная устойчивая характеристика объекта изображения (как усиление его значения в тексте), но при этом создаётся и эвфонический словесно-звуковой образ, сформированный на основе ассонанса и аллитерации. Обратимся к примерам [ниже: Хлебников, 2004, с. 15, 40, 25, 17, 19–20]: «**Бельмо-белючая-белючая беля<вой> белины** плывёт **лебе**дь на синьме-синючем-синючем озере, где зеленючи тростники» («Бельмо-белючая-белючая...»; 1907–1908); «и **грезилщица грезней и грезонь грезючая в грёзах** и грезей грезильно грезит, грезве никнет, грезлями веет»; «Миляльно милеются мильные милюньи» («Белорукая, тихорукая...»; 1908); «**Слезатая слезиня**, от неё ушла навсегда весёлость» («Песнь Мирязя»; 1908, 1912) и др. Стихотворение в прозе «Симфония “Любь”» (1907–1908, 1912) целиком создано средствами словоновшеств, происходящих из одного корня.

Такая музыкальность, благозвучие напоминают древнерусский стиль [ниже: Хлебников, 2004, с. 14, 16, 55, 51]: «**Вымранных вышней волей народов ветка** черёмухи подаётся в окно узкое, узкое!» («Морных годин...», <1907–1908>); «**Водяные бороды блещут каплями и блескавица голубая стру<ит> вольно**» («Любава», <1907–1908>) и др. Отдельного внимания заслуживает пример, иллюстрирующий в качестве ассонанса не один звук «с», а слог «со»: «Погоня за мировой **соистин<ой>**, за **сочумным** трудом, за **соцелью** и общим **сочалом** всех племён» («Неговольцы...», <1921>). Контрастной ситуацией является реплика лирической героини Чао, основанная на словообразовательной аллитерации со звуком «з»: «**Звучобны звукотные** дали, зой, зой, знарь: **зов званного зира**» («Чао. 13 танка», <1915>).

Морфологической квазификсальной рифмой (в ряде случаев ассонансом) подчёркнуто парное сочетание слов [ниже: Хлебников, 2004, с. 50, 55, 56, 33, 57]: «И тогда я славил **гОсударствОжОсых** и **гОсударствООких**» («И тогда я славил...», 1914); «Века **едИнОжИзня** и **едИнОслоВия** отворили ворота: показ кровавых ран», «Рёв **нЕхотяев** быть **нЕрАтАями** и **нЕлАтАями**», «**Вопяки** и **кричаки** про лоскутья земного шара умолкнул» («Неговольцы...»); «И **мучины страдязя** и **бой юнязя**» («Песнь Мирязя»). Подобную функцию выполняет корневая рифма: «Всеустый язык правее, оправды и сверхправды, всегорлый ор равви» («Неговольцы...»). Есть редкие, но броские примеры сверхсинтаксических предложений, в которых представлен спектр различных вышеупомянутых художественных приемов [ниже: Хлебников, 2004, с. 23, 34]: «И **вОльнва** и **вОлнва вОлнистой** и **вОльной нивы вОль**» («И, всееня, ховун...», 1907–1908); «И **земва** и **небесва** негасючин **ишёпотом переишёптывались**; и **многозвугодье** и **инозвучица звучобо особь**» («Песнь Мирязя»).

Противопоставление у Хлебникова подчёркнуто разными способами. Один осуществляется при помощи приставки, объединяющей разнокорневые

антонимы, и при этом слова находятся в тесной близости с однокорневыми: «Этот тёмный, чёрный, очень чёрный <Путь> – охватить наибольшее нечто, *наибольшее равенство наименьшим неравенством*, вздёрнуть вселенную на дыбы» («Это был великий числяр», 1922) [здесь и ниже: Хлебников, 2004, с. 58, 59]. В другом случае – в стихотворении в прозе «Я умер и засмеялся...» (1922) – смысл высказывания усиливается за счёт одинакового грамматического построения обеих частей суждения, организованного, несмотря на эллиптичность предложения, по принципу хиазма: «Просто большое стало малым, малое большим».

Д.С. Лихачёв отмечал, что наличие в XIV–XV веках в церковной (в частности – житийной) литературе неологизмов не определялось тяготением писателей к введению оригинальных языковых выражений: они «воспринимаются не как нечто новое в языке, а как выражения учёные, усложнённые и “возвышенные”» [Лихачёв, 1979, с. 109]. В случае же с текстами Хлебникова, учитывая как специфику его словотворчества, так и художественные намерения поэта по отношению к слову, наблюдается обратная тенденция – стремление к обновлению и одновременно к обогащению поэтического слова. Истоком данного намерения является поглощённость начинающего Хлебникова идеей, высказанной в статье Вяч. Иванова «О весёлом ремесле и умном веселии» (1907): «Чрез толщу современной речи язык поэзии – наш язык – должен прорасти и уже прорастает из подпочвенных корней народного слова, чтобы загудеть голосистым лесом всеславянского слова» [Иванов, 1979, с. 76]. На творческую природу нововведённых, но при этом «довременных» слов указал Б. Лившиц, сравнивая поэта с В.И. Далем. Примечателен его комментарий к рукописям Хлебникова, в котором написанное поэтом определено как вязь (исторически особый вид декоративного письма, появившийся у восточных славян в конце XIV – начале XV веков, где буквы, тесно соединяясь друг с другом, образуют красивый орнамент): «эта бисерная вязь на контокоррентной бумаге обращала в ничто все мои речевые навыки, отбрасывала меня в безглагольное пространство, обрекала на немоту» [Лившиц, 1989, с. 336].

Хлебниковская речевая вязь, представленная в его стихотворениях в прозе, напоминает сложные слова в древних текстах, оформленные на основе старославянских словообразовательных моделей. Количество таких примеров велико: «небозобый голубь», «ожиданиевласа девушка», «желаниегривые комони»; «беловыпуклая грудь»; «изогнутогорлые цапли»; «рукозвученница», «вечеротело», «чайкошёрстная рука»; «отсутстvieокая мать», «звоногрёзные каменья», «девовласый онел»; «народоструйные воды», «вечностекафтаный муж», «пожарокудрые личики»; «смертнобровый тетерев», «морезыбейная чешуя»; «правдоцветиковый папоротник», «младенцекаменное ложе»; «осеннеликий милень», «немолиственное деревцо»; «государстворукая»; «числокаменные капища» и др. [Хлебников,

2004, с. 11, 14, 15, 16, 21, 23, 25, 29, 35, 39, 50, 56].

В отношении немалого числа неологизмов, подробно исследованных в ряде трудов [Григорьев, 2000; Перцова, 1995], справедливо утверждение: «“прибавочный элемент” борется с отдельным словом, стремится преодолеть смысловую и эмоциональную изолированность слова, создаёт “сверхзначения”, объединяющие всю поэтическую речь, составляющие её художественное единство» [Лихачёв, 1979, с. 113]. Стихотворения в прозе Хлебникова при первом к ним обращении воспринимаются как набор выражений с неясным смыслом, механически нарочитых. Это во многом объясняется спецификой орнаментальной поэтики, в основе которой лежат принципы «ассоциативности и синтетичности» в отражении изображаемой действительности [Кожевникова, 1976, с. 66], в силу чего реконструировать «сверхсмысл» произведений Хлебникова непросто.

Заключение

Художественный материал, рассмотренный в настоящей статье, позволяет сделать вывод о том, что разноплановые в типологическом отношении древнерусская орнаментальная поэтика «плетения словес» и индивидуальный поэтический стиль представителя модернизма Хлебникова имеют явно различимые точки изобразительно-выразительного соприкосновения, несмотря на специфику каждой отдельно взятой эпохи.

Отмеченное схождение осуществляется в стихотворениях в прозе Хлебникова на многих уровнях текста, прежде всего жанровом (поскольку это факт пограничной родовой формы: лирики и прозы) и образно-речевом (как фонетической, морфологической и синтаксической общности). Соотнесение двух стилей оправдано по той причине, что в наследии поэта XX века они реализуют в первую очередь эстетическую функцию, воздействуя определённым образом на слушателя («И была тьма...», «Симфония “Любовь”», «Искушение грешника» и др.). В отдельных случаях поэтика «плетения словес», с точки зрения формальных признаков, стилистически маркирована слабо и выражена нерегулярно, поэтому обнаруживается лишь во фрагментах текста. Как правило, она ограничивается риторическим единоначатием («Песнь мраков», «Суровая прелесть гор...», «Чао», «Зверинец», «Это было старое озеро...», «Это был великий числяр...», «Я умер и засмеялся...» и др.). Стихотворения в прозе Хлебникова изощённо выстроены, экспрессивны; ткань этих текстов отличается эмоционально-насыщенным смыслом, что соответствует средневековому литературному стилю.

Источники

Акафист Пресвятой Богородицы с комментариями. Молитвослов [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/molitvoslov/akafist-presvyatoj-bogorodice-s-kommentariyami.html> (дата обращения 08.02.2024).

Хлебников В. Стихотворения в прозе // Хлебников В. Собр. соч.: в 6 тт. / Под общ. ред. Р.В. Дуганова. М.: Наследие, 2004. Т. 5. С. 7–59.

Литература

Васильев С.А. «Воин не наступившего царства...» (Поэтический стиль Велимира Хлебникова): монография. М.: МГПУ, 2015. 320 с.

Григорьев В.П. Будетлянин: сб. науч. трудов. М.: Языки русской культуры, 2000. 814 с.

Иванов Вяч. И. О веселом ремесле и умном веселии // Иванов Вяч. И. Собр. соч.: в 4 тт. / Под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1979. Т. 3. С. 61–77. URL: https://www.v-ivanov.it/brussels/vol3/01text/02papers/3_075.htm (дата обращения: 08.02.2024).

Кожевникова Н.А. Из наблюдений над неклассической («орнаментальной») прозой // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1976. Т. 35, № 1. С. 55–66.

Коновалова О.Ф. «Плетение словес» и плетеный орнамент конца XIV в.: (К вопросу о соотношении) // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л.: Наука, 1966. Т. XXII. С. 101–111.

Лившиц Б. Полутораглазый стрелец: Стихотворения, переводы, воспоминания. Л.: Советский писатель, 1989. 720 с.

Лихачёв Д.С. Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд. М.: Наука, 1979. 360 с.

Мандельштам О.Э. О природе слова // Мандельштам О.Э. Собр. соч.: в 4 тт. / Сост. и коммент. П. Нерлер и А. Никитаев. М.: Арт-Бизнес-Центр, 1999. Т. 1. С. 217–232.

Перцова Н.Н. Словарь неологизмов Велимира Хлебникова // Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 40. М.; Vien: Hansen-Liove, 1995. 557 с.

Старкина С.В. Велимир Хлебников: Король времени. Биография. СПб.: Вита Нова, 2005. 480 с.

Степанов Н.Л. Велимир Хлебников: Жизнь и творчество. М.: Сов. писатель, 1975. 280 с.

Харджиев Н.И. От Маяковского до Кручёных: Избр. работы о русском футуризме / Сост. С. Кудрявцев. М.: Гилея, 2006. 557 с.

References

Sources

Akafist Presvyatoj Bogorodicy s kommentarijami. Molitvoslov [Akathist of the Most Holy Mother of God with commentaries. Prayer book] [*Elektronnyj resurs*] [electronic resource]. URL: <https://azbyka.ru/molitvoslov/akafist-presvyatoj-bogorodice-s-kommentarijami.html> (accessed: 08.02.2024).

Khlebnikov V. *Stihotvoreniya v proze* // Khlebnikov V. *Sobr. soch.*:

v 6 tt. / *Pod obshh. red. R.V. Duganova* [Collected Works: in 6 vols. / Edited by R.V. Duganov]. M.: *Nasledie Press*, 2004. V. 5. Pp. 7–49.

Literature

Vasilev S.A. «*Voin ne nastupivshogo carstva...*» (*Poeticheskij stil*) *Velimira Hlebnikova*): *monografiya* [«Warrior of the Kingdom that Has Not Come...» (Velimir Khlebnikov's Poetic Style): monograph]. M.: Moscow City University Press, 2015. 320 p.

Grigorev V.P. *Budetlyanin: sbornik nauchnyh trudov* [Budetlyanin: Collection of Scientific Works]. M.: *Yazyki russkoj kul'tury Press*, 2000. 814 p.

Ivanov Vyach. I. *O vesyolom remesle i umnom veselii* [About a Fun Craft and Smart Fun] // *Ivanov Vyach. I. Sobr. soch.: v 4 tt. / Pod red. D.V. Ivanova i O. Deshart* [Collected Works: in 4 v. / Edited by D.V. Ivanov and O. Deshart]. Brussels: Foyer Oriental Chrétien, 1979. T. 3. Pp. 61–77. URL: https://www.v-ivanov.it/brussels/vol3/01text/02papers/3_075.htm (accessed: 08.02.2024).

Kozhevnikova N.A. *Iz nablyudenij nad neklassicheskoj («ornamental'noj») prozoy* [From Observations on Non-classical («Ornamental») Prose] // *Izvestiia AN SSSR. Serija literaturi i yazika* [Bulletin of the USSR Academy of Sciences. Series of Literature and Language], 1976. T. 35, № 1. Pp. 55–66.

Konovalova O.F. «*Pletenie sloves*» i *pletenyj ornament konca XIV v.: (K voprosu o sootnoshenii)* [“Weaving of Words” and Wicker Ornament of the End of the 14s Century: (To the Question of Correlation)] // *Trudy Otdela drevnerusskoj literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. M.; L.: *Nauka Publishing House*, 1966. T. XXII. Pp. 101–111.

Livshits B. *Polutoraglazyj strelec: Stihotvoreniya, perevody, vospominaniya* [Half-eyed Sagittarius: Poems. Translations. Memoirs]. L.: *Soviet Writer Publishing House*, 1989. 720 p.

Likhachev D.S. *Poetika drevnerusskoj literatury* [Poetics of Old Russian Literature]. 3rd edition. M.: *Nauka Publishing House*, 1979. 360 p.

Mandelstam O.E. *O prirode slova* // *Mandelstam O.E. Sobr. soch.: v 4 tt. / Sost. i komment. P. Nerler i A. Nikitaev* // Mandelstam O.E. [On the Nature of the Word // Mandelstam O.E. Collected Works: in 4 vols. / Composition and Comments of P. Nerler and A. Nikitaev]. M.: *Art-Business Center Press*, 1999. V. 1. Pp. 217–232.

Pertsova N.N. *Slovar' neologizmov Velimira Hlebnikova* [Velimir Khlebnikov's Dictionary of Neologisms] // *Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 40*. M.; Vien: Hansen-Lewe, 1995. 557 p.

Starkina S. *Velimir Khlebnikov: Korol' vremeni. Biografija* [Velimir Khlebnikov: The King of Time. Biography]. SPb.: *Vita Nova Press*, 2005. 480 p.

Stepanov N. L. *Velimir Khlebnikov: Zhizn i tvorchestvo* [Velimir Khlebnikov: Life and Work]. M.: *Soviet Writer Publishing House*, 1975. 280 p.

Khardzhiev N.I. *Ot Mayakovskogo do Kruchenykh: Izbr. raboty o russkom*

futurizme [From Mayakovsky to Kruchenykh: Selected Works on Russian Futurism]
/ Compiled by S. Kudryavtsev. M.: *Gilea* Press, 2006. 557 p.

Сведения об авторе

Гиниятуллин Артём Маратович – магистрант департамента филологии института гуманитарных наук; Московский городской педагогический университет. Научные интересы: русский литературный авангард, индивидуальный стиль, В. Хлебников.

Information about the Author

Artyom M. Giniyatullin – Master’s Degree student of the Department of Philology of the Institute of Humanities; Moscow City University. Research interests: Russian literary avant-garde, individual style, V. Khlebnikov.